

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 20

1981

Максим ТАНК

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

СТОРОНЫ СВЕТА

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 20

Максим ТАНК

СТОРОНЫ СВЕТА

СТИХИ

*Перевел с белорусского
Яков Хелемский*

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1981

Максим ТАНК

Народный поэт Белорусской ССР Максим Танк (Евгений Иванович Скурко) родился в 1912 году в деревне Пильковщина (ныне Минской обл.).

В юности принимал активное участие в подпольном революционном движении в Западной Белоруссии, неоднократно арестовывался. Печататься начал в нелегальном журнале «Пролом».

В годы Великой Отечественной войны работал во фронтовой и партизанской печати.

Максим Танк — автор многих книг, стихов и поэм, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР.

Максим Танк — депутат Верховного Совета СССР.

* * *

Гончар побуждает глину
В кувшин превратиться вдруг.
Маляр — облезлую стену
В зеленый цветущий луг.

Сапожник — дубленую шкуру
Надежной обувкой стать,
А пахарь — кормилицу-землю
Колосья родить опять.

Кузнец — лемеха и подковы
Под молотом пламенеть,
Поэт — рядовое слово
Светиться, цвести и петь.

МЕТАМОРФОЗЫ ОГНЯ

Он тысячу раз
Рождался и умирал
И опять рождался.
Он так же вечен,
Как звезды.

Вот он уютно ластится,
Как верный домашний пес,
И лижет мои озябшие руки.
А я осторожно поглаживаю его,
Чтобы все же не разозлить...

Но вот я подкинул ему
Смолистую кость,

Он сразу вцепился в нее
И вдруг превратился... в аиста,
Который, расправив крылья,
С гадюкой дыма
В багряном клюве
Пустился в свободный танец.

Но я не успел оглянуться,
Как он внезапно уменьшился
И стал похожим на мотылька,
Трепетавшего в старой хате
На ломкой лучине.

А потом он прикинулся ежиком,
Но едва я присыпал
Хрустящими хворостинами
Его золотые иголки,
Как он устремился в небо
Гагаринскою ракетой.

Потом он опять уменьшился
И стал партизанской папашой
С багряной ленточкой
Гнева.

Потом
На пепельном фоне
Мелькнул падучей звездой
Над безымянной могилой.

Но через минуту вспыхнул,
Как молодое солнце,
Которое только что поднято
Колодезным журавлем
Из бездонного сруба
Ночи.

Не знаю, кем он еще прикинется,
Чем еще удивит.
И поэтому мне всегда
Жаль расставаться
С костром.

* * *

Сколько придумали средств от бессонницы,
Разных пилюль, порошков и капель,
Забыв, что не сыщешь сильнее снотворного,
Чем полновесный рабочий день.
Вот возвратились мы только что с поля,
Уморились — невиданный урожай! —
Надышались полдненным сплящим солнцем,
Напились рассветной росы и вечерней,
Наслушались рокота, звона, гула,
Омылись холодным и жарким потом,
И с ходу сон, как хмельная брага,
Хлынул в жилы натруженных рук,
В мышцы нахоженных ног,
В недопетые песни,
В непогашенные огни.
Я и не заметил, как привалился
Грудью к еще не остывшей земле,
Как над вагончиками полевого стана
Звездный Воз накатился на Млечный Путь,
Как накрыла меня просторная ночь
Своей благодатной свиткой...

ПЕРЕД ПУТЕШЕСТВИЕМ

Дорожный посох вырезают из дерева,
Из клена, ясеня или дуба.
Не должно страшиться такое изделие
Ни трав хмельных, ни камней грубых,
Ни собачьего лая, ни крапивы в овраге,
Ни взглядов глумливых,
Ни суши, ни влаги,
Ни дверей молчаливых.

Дорожный плащ кроют из надежды.
Карманы его должны быть бездонны —
В них умещаются дни и недели,
Будни и праздничные перезвоны.
И надо окрасить его умело,
Чтобы сливался неброский колер
С пылью, с дождями, с порошей белой,
Со вспаханным полем.

Ботинки дорожные шьют из кожи
Бычьей, дубленой, не раз испытанной.
Подошву крепкую ставят тоже,
Двумя рядами гвоздей подбитую,
Чтобы, о прочности не тревожась,
Спокойно и неустанно топать
По косограм, по бездорожью,
По мшистым тропам.

А песни дорожные создаются
Из грома, из птичьего щебетанья,
Из мыслей веселых, а также грустных,
А иногда — из молчанья.
Но если вы смысла не видите в этом,
Привыкшие к неподвижности, к дому,
Со мной не ходить вам зимою и летом
По краю родному.

* * *

Это совсем новая улица,
С новыми домами, детворой и голубями,
С новыми троллейбусами
И почтовыми ящиками,
С новыми радостями и заботами,
Признаниями в любви,
Свиданиями и расставаниями,
С новыми липами,
Которые только что принялись,
Но еще не привыкли
К электрическим звездам и молниям,
К дождю из поливальных машин,
К транзисторным соловьям.

Каждый день
Эти липы
Меня останавливают
И спрашивают про здешнюю жизнь,
Как нарочанские девушки,
Которые вышли замуж за городских парней
И которым все еще снятся
Покинутые берега и рощи.

* * *

Чтобы мог я увидеть,
Как отец возвращается с пашни,
На плечах широченных
Дневную усталость неся
И надежду на хлеб,
Что на узкой полоске посеян,—
Мать, взойдя на бугор,
Высоко поднимала меня.

Чтобы лучше увидеть,
Куда убегает дорога,
По которой с базара
Гостинцы детишкам везут,
По которой уносят
Отживших свой век хлеборобов,
Я за старым сараем
Взбирался на серый валун.

Чтобы лучше увидеть,
Куда журавли улетают
И откуда они
Возвращаются, нежно трубя,
Поздравляя меня и природу
С рождением новым,
Я взбегал на пригорок
Под осень и вешней порой.

Чтобы лучше увидеть
Пути-перепутья планеты,
Над которой мерцают светила
И песни парят,
Чтобы встретить друзей
Разноликих и разноязыких,
Я на Красную площадь
По гулким камням восхожу.

В ДОМЕ ЯКУБА КОЛАСА

Вновь осторожно по ступенькам тихим
Вхожу я в дом. На вешалке — кожух,
Как сборник поговорок и присловий,

Забившись в угол, валенки стоят,
Напоминают о дорогах прежних
И жалуется на свое безделье.

А телефон чернеет, как скворец
На пашне сиротливого стола,
Где сохранились первые бороздки
Последнего письма... Оборвалось
На полуслове. Смерть пришла неожиданно.
Окликнула. Он отложил перо,
С которым, как с волшебным талисманом,
Был неподвластен ей...

Но так внезапно
Случилось все. Он отложил перо.
Его тогда и дети не успели
Предупредить. Не сразу опознали
Ту гостью, ту разлучницу. Она
Приходит всякий раз в другом обличе,
Является с таинственной усмешкой.
Она могла прикинуться соседкой,
Неведомой просительницей, даже
Усердной медицинской сестрой
Иль начинающею поэтессой,
Мечтавшей выслушать суждение Зевса.
Пришла... Зачем он отложил перо?

КУЗНЕЧИКИ

Ты помнишь луговой настой
Над Нарочью в полночный час?
Кузнечики в траве густой
Друг к дружке приковали нас.

Мы в тех оковах до утра
Не спали — цепь не разорвать...
Подходит старости пора,
Звенят кузнечики опять.

Другая пара средь лугов
Свои оковы обрела,
Иль наша давняя любовь
Сюда вторично забрела?

* * *

Мать, убаюкивая меня,
Должно быть, устала
И начала по ошибке
Навивать колыбельную
Не на свое веретено,
А на мое сердце.

Я и сегодня
Осторожно и трепетно
Разматываю этот клубок,
Чтобы случайно не оборвать
Нить материнской песни.

ПЕРЕГОРЕЛА ЛАМПОЧКА

Перегорела лампочка.
Я заменил ее другой,
Двадцатипятисвечевой.
— Отчего она такая тусклая? —
Кричат мне домашние.

А мне, который когда-то
Обучался грамоте
При одной-единственной свечке;
Мне, который видел, как рядом
Мать вышивала
Весенние луга на скатерке
Или вдвала нитку в иглолку,
Чтобы самодельную пуговицу-бирку
Пришить к отцовской сермяге;
Мне, который видел, как отец
При этом же освещенье
Мастерил,
Плел для меня, босоногого, лапти,
Молол зерно,
Вращая домашний жернов,
А потом
С одной восковой свечой,
Слабо озарявшей
Резкие его морщины,
Отошел во тьму вечности;

Мне, помнящему все это,
Двадцатипятисвечовая лампочка
Кажется истинным солнцем.

ПОЧЕТНОЕ ЗВАНИЕ

Я часто встречаю людей
С различными званиями,
Столь необходимыми
Для визитных карточек,
Для анкет и отчетов,
Для некрологов.

А я особенно дорожу
Званием почетного садовода
Межколхозного сада
«Памяти Ильича»,
Которое было присвоено мне
В Молдавии.

Там, на земле друзей
(Об этом свидетельствует
Удостоверение),
В пятом квадрате,
В шестнадцатом ряду,
Мною посажена
Яблоня.

Каждую весну,
Когда она расцветает,
Вместе с ней расцветаю и я.
Когда она гнется
Под тяжестью урожая,
Я подставляю плечи,
Чтобы яблоне этой помочь.
Когда сечет ее дождь,
Я прикрываю плащом
Дрожащие ветки,
А когда она мерзнет под снегом,
Я стараюсь ее согреть
Своим дыханием,
Песней.

В руки беря угощенье мое,
Не бойтесь, что вам досталось
Горькое
Яблоко
Раздора.
На таких деревьях, как это,
Могут вырасти только яблоки
Согласья и дружбы.

НА РЫБАЛКЕ

Памяти Михася Лынькова

— Михась!
Окошко закрыто.
Неужто он еще спит?
А заря в своей лодке
Уже отплыла от Пасынок,
Она работает веслами
И движется к нам по Нарочи.

— Ми-хась!
Неужели забыл он,
Что сегодня задумали мы
Попытать рыбацкого счастья?
А может, он до зари
Беседовал задушевно
С героями будущей книги
И только под утро
Сморил его сон?

Но ведь прежде,
Когда мы сговаривались,
Он, что бы там ни было,
Загодя собирался,
Готовил рыбачью снасть.
Блёсны и спиннинги,
Сачки и грузила.
(Среди них попадались мудреные,
Когда-то им привезенные
Из Америки или Азии.
Нарочанские щуки
Взирали на них с удивлением
И... отходили в сторонку.)

Он прятал в своем суденышке
Припасенные сигареты,
Чтоб не дознались домашние.
(Врачи курить запретили.)
Потом он сосредоточивался
И учинял экзамен
Лодочному мотору,
Который плевался дымом,
Который чихал, огрызался, хрипел,
Как голодный щенок, у которого
Отбирают вкусную кость.

А может,
Мы с ним разминулись,
И Михась уплыл на моторке
В сторону Гатовских тоней,
Один-одинешенек...

Окликну еще разок
И отправлюсь на поиски.

* * *

Никому так не лгали, как тебе,
Когда восхищались твоей красотой,
Но высмеивали твои черные, натруженные руки.

Никому так не лгали, как тебе,
Когда говорили, что ты справедлива,
Но обвиняли тебя в прислужничестве.

Никому так не лгали, как тебе,
Когда восхваляли твою чуткость,
Но клеймили твою жестокость,
Когда превозносили твою скромность
И поносили твою распущенность.

Никому так не лгали, как тебе,
Когда клялись в неизменной верности
И нарушали клятву
Прежде, чем просыпались
Третьи петухи.

Я тоже лгал, когда зарекался
Встречаться с тобою на этом свете
(Да и на том),
Потому что снова и снова,
Как блудный сын, возвращаюсь к тебе,
П о э з и я.

* * *

Я с трудом узнал курную хату,
Посветлевшую в обшивке свежей,
Будто в новой праздничной одежке.
А колтун соломенный над нею
Заменяли шиферною крышей
С гребнем современной антенны.

Под знакомым потолком, который
Был слепым от вечного угара,
Месяц электрический пристроен.
Он, как в полнолуние, озаряет
И веселое застолье наше
И друзей негромкую беседу.

Газовая плитка рядом с печью
Быстро, как хозяйка молодая,
Что-то жарит. Старая на это
Не в обиде. Ей нашлась работа.
Вся она пропахла ближним бором —
Сушит на поду грибы, как прежде.

Мы, хоть серп отправился на отдых,
Раз в году зажинки отмечаем.
За портретом Ленина колосья
Красный угол вновь позолотили.

Старой хате счастье привалило.
Жаль, не видят превращений этих
Предки, поднимавшие когда-то
Этот скромный, но нетленный сруб.

ЧИЛИЙСКАЯ БЕРЕЗКА

Из Вальпараисо в Карлос дель Кампо
Смогу ли пробиться сквозь дождик с хмарью?
Спросить бы об этом у гор, у пампы,
У придорожных араукарий.

Беда, что понять не сможем друг друга.
Ихняя речь не похожа на нашу.
Но вдруг у индейской убогой лачуги
Вижу — березка «пуэту» пляшет.

Должно быть, сразу меня узнала,
Навстречу вышла с шахтерской лампой,
И путь к друзьям она показала
Из Вальпараисо в Карлос дель Кампо.

Годы проносятся чередою.
Как только Чили я вспоминаю,
Снова трепещет передо мною
Березка дальняя и родная.

Над ней сегодня гуляет ветер
С дождем свинцовым, с лихою стужей.
Но под ненастьем и лихолетьем
Она не согнется, выстоит, сдюжит.

Рассвет окрасит седые отроги,
Зазеленеют просторы пампы.
Мы снова встретимся на дороге
Из Вальпараисо в Карлос дель Кампо.

Опять у лачуги индейской этой
Вспомним разлуку, горькие годы
И вместе с березкой спляшем «пуэту»
Под солнцем дружбы, весны, свободы.

ИЕРАРХИЯ

Теперь самый главный в нашем роду —
Его величество
Внук,
Который колотит весь день

Своей погремушкой
По стенам и мискам,
Не минуя и нас —
Его верноподданных.

Ступенькой ниже —
Его беспокойная мать,
Которую огорчает непослушание сына.
Дальше следует
Его всезнающий отец,
Который внушает своей супруге
Непреложные истины —
Как и когда кормить малыша.

За ними толпятся
Бесчисленные свояки, советчики, толкователи,
Которые разрабатывают
Распорядок дня,
Времяпрепровождение августейшей особы,
Назначают аудиенции врачам,
Определяют,
Какая каша богаче витаминами.

А уж где-то
В самом конце этой свиты —
Я и бабушка,
Которая ежедневно
Развешивает на балконе
Королевские распашонки.

КОРМЯТ СЕРЕЖКУ

Первая ложка — за мамины ласки.
Вторая — за отцовское: «Гуль-гуль-гули...»
Третья — за бабушкины добрые сказки.
Четвертая — за жалейку дедушки.
Пятая — за петушка чубатого.
Шестая — за здоровье кота-мурлыки.
Седьмая — за жаворонка над хатой,
Восьмая — за рассвет ясноголикий,
За доброе утро на улице нашей...

На том и кончается мисочка с кашей.

* * *

Вся земля в цвету. И перед нею
Оробел я. Столько прошагав,
Замер вдруг. Ну как пройти посмею
По устам ее певучих трав,
По былинкам, влажным, как ресницы,
И по звездам этих глаз живых?

Видно, я в рассветный тихий миг
Понял, отчего летают птицы.

СОН

— Долгий сон вреден,—
Поучали меня старшие,
Расталкивая на рассвете,
Когда я был подпаском.

Но до меня
Доходила с трудом
Эта житейская мудрость.
И поэтому,
Когда одна моя рука
Освобождалась ото сна,
Другая все еще не могла вырваться
Из его паутины.
Когда одна нога
Ступала на солнечный порог,
Другая спотыкалась
О крутые валуны ночи
И проваливалась
В ее бездну.

И только с годами,
Когда столько моих друзей
Беспробудно уснуло
На дорогах,
На брустверах окопов,
На волнах океана,
На вспаханных полях,
На вершинах гор

И даже на дальних звездах,
Я начинаю думать,
Что все же не зря
Меня убеждали в детстве:
— Долгий сон вреден...

* * *

Был добрым этот дождь.
Перехвалить сумели...
С докучным гостем схож,
Он хлещет всю неделю.

Не умеряет прыть
И рожь терзает в поле.
Пора бы прекратить
Такое своеволие.

Как ливень убедить
Под этим серым небом,
Что над жнецом и хлебом
Запрещено шутить?

* * *

Скажи, куда он подевался, лес?
Ведь было до него подать рукой,
Я мог его окликнуть, как соседа,
Пожать его зеленую ладонь.
Услышать пенью, щелканье и щебет.
Теперь приходится встречаться с ним
На отдаленном дачном километре.
Минуя по пути аптеку, рынок,
Хлебопекарню, арку стадиона
И дымную ограду автопарка,
Бегу я сквозь аллеи фонарей,
Дорожных знаков и щитов рекламных,
Чтоб снова с давним другом повидаться.

СОНЕТ

В наш век открытий, быстрый, штормовой,
В исканьях и тревогах вся планета.
То реактивный свист над головой,
То в космос устремляется ракета.

А я вознес (о, давний долг поэта!)
Лирический свой парус над волной
И к островам созвездий, в час ночной
Задумал плыть на корабле сонета.

Смеетесь вы. В кораблик утлый мой
Не верите. И в то, что я домой
Вернусь, не изувечив холст и ванты.

Наивные! Бессмертно-легкокрыл
Тот парусник. В него поверил Данте.
С ним сам Шекспир вселенную открыл.

ГОТИКА «СВЯТОЙ АННЫ»

Епископ, властью от бога данной,
Печаткой-перстнем скрепил решение:
Предать блудливую девку Анну
Огню святому для очищенья.

За то, что грешною красотю
Мужчин смущала, губила сразу.
Они, увидев чудо такое,
Роняли честь и теряли разум.

У стражей тех, что застигли голой
Ее, бесстыжую, в час купанья,
Дрожали руки, срывался голос,
Когда их вызвали на дознание.

А в каземате под магистратом,
Куда заточили эту красотку,
Нечистая сила неоднократно
Ломала засовы, замки, решетку.

Палач этим чарам дурным поддался,
Хоть «Miserere»¹ всю ночь шептал он,
Он трижды Анну казнить пытался,
Но трижды секира из рук выпадала.

И вот жестокий костер пылает,
Но диво дивное видят люди:
Огонь преступницу обнимает,
Целует плечи ее и груди.

И застывает высоким храмом,
Где жарче бронзового чекана
Звонницы, абсиды, арки, рамы...
И губы шепчут: — Святая Анна!

* * *

Обычно серьезные люди,
Строя свое жилище,
Сперва закладывают фундамент,
Потом воздвигают стены,
На стены кладут стропила,
Стропила кроют соломой.

У меня же все по-иному:
Я начинаю с мечты,
С дымка над печной трубой,
С гнезда аистиного.
Гнездо я прилаживаю к стрехе,
Стреху кладу на решетник,
Решетник на ребра стропил,
Стропила на плечи стен,
А на окна, еще лишенные стекол,
Поскорее ставлю цветы.

Некоторые смеются.
Но дом, хоть это и странно,
Представьте себе, устоял
Под грозами и громами.

¹ «Miserere» — католическая молитва.

* * *

Уставший за день, я могу не услышать,
Что звездопад стучит в окно мое опять,
Что ветер с веток отряхает гроздь рос,
Что клекот аистов похож на клепку кос,
Что гром рождается весеннею порой...

Но если б молча наклонилась надо мной
Не ты сама, а лишь сквозная тень твоя,
Клянусь, немедля пробудился б я!
Жизнь без тебя была б небытием,
И сон мой был бы беспробудным сном.

ПАРТИЗАНСКИЕ БЕРЕЗЫ

Простите, березы, мы часто
Ножом партизанским, острым
Писали стихи и воззванья
На свитках вашей бересты.

Но где было взять бумагу?
Война, разоренье, горе.
Мы ночью и днем в атаке,
Мы ночью и днем в дозоре.

Листовки писали и песни...
А рана, не заживая,
На белой коре осталась,
Старинная, ножевая.

И ныне, когда вас вижу,
Березы, в чащобе и в поле,
Колотится сердце от счастья,
Сжимается сердце от боли.

* * *

Никогда прежде
Не наряжали тебя, мама,
Так празднично, как сегодня,
Словно на ярмарку
Или в гости к родне.

Никогда прежде
Так высоко
И в такой славе
Ты не ехала, как сегодня.
Встречные останавливались
И обнажали головы,
И даже груженные самосвалы
Уступали тебе дорогу.

Никогда прежде
Не было в нашем доме
Так холодно,
Так сиротливо,
Так темно,
Как нынче,
Хоть выдался день
Многолюдный,
И ясный,
И теплый.

* * *

Ослепший
Все-таки может
При помощи посоха
Нащупать дорогу домой.

Оглохший
Все же сумеет услышать
Скрип старинных дверей
Отцовского дома.

Онемевший
С друзьями ведет беседу
При помощи
Воспоминаний.

Лишь потерявший родину,
Подобно бесчувственному камню,
Окончательно
Слепнет, немеет, глохнет.

* * *

Ведя по душам беседу,
Мы вспомним своих друзей,
Что спят, оплатив победу
И кровью и жизнью всей.

Их лица на снимках старых,
Из воспоминаний и снов,
Как из Стены Коммунаров,
Внезапно проступят вновь.

Мы павших зовем. Но поздно...
Лишь отзвуки эха в ответ
Летят, как осколки грозных,
Незаживающих лет.

* * *

Объявили: — Поэт!
А я и не собирался им быть,
Я не старался им быть,
Я не смею им быть.
И об этом знает огонь,
На котором я жгу
Свои строки.

Но огонь умеет молчать.
Кто же выдал меня?
Пепел?

ГЕРБАРИИ

В гербарии моем хранятся листья,
И стебли трав, и лепестки цветов,
Как память о дорогах и годах,
О грозах, прошумевших надо мною.
Тут перепутаны все континенты,
Печаль и радость, беды и победы,
Весна и лето, осень и зима.
Тут молча удивляются соседству
Листок березы, осенявшей зыбку,
И подорожник, исцелявший в детстве
Мальчишеские ссадины и раны.

Здесь ветка можжевельника — когда-то
Он подарил подпаску посошок.
Вот и ладонь кленовая — она
Хлеб материнский нежно обнимала.
Чабрец пахучий — память о девчурке,
Которую купальской светлой ночью,
Играя, догонял я у костра.
Здесь вереск, сон мой охранявший в пуще,
Лоза, что вражьей пулей перебита,
Полынь с хатынских горьких пепелищ.
Хвоинки голубой кремлевской ели
И розовые лепестки, как россыпь
Весеннего победного салюта.
Тростинка эта — память о Разливе,
О шалаше на берегу озерном,
А рядом ветка явора, который
В Поронино над речкою шумит.
Вот веер лотоса — он оведал Янцзы,
Вот узкий серебристый лист оливы —
Она когда-то вторила Гомеру...
Каштановые листья с Пер-Лашез,
Цвет опаленной хиросимской вишни
И ветвь араукарии, растущей
У входа в дом Неруды в Исла-Негра,
Куда поэт когда-нибудь вернется,
Друзьями окруженный, как бывало.
Я перелистываю свой гербарий
И ощущаю, что сухие листья,
И стебли трав, и лепестки цветов,
Свезенные со всех концов земли,
Вновь оживают в песне...

* * *

Кто ж это вынес такое решение,
Несправедливое, бесповоротное?
Все праздники достаются тебе,
А мне — одни хлопотливые будни,
Тебе — все утехи и радости,
А мне — угрызения ревности,
Тебе — все права и все приговоры,
А мне — напрасные апелляции.
Тебя одарили загадками,
А мне отгадки остались...

МИКЕЛАНДЖЕЛО

...И когда он решил изваять «Рабов»,
Вызов бросивших путам и рабскому поту,
Ночью в двери его постучался бог,
Вошел и сказал: «Прекрати работу».

Жаркий спор продолжался сутки подряд.
Не сдавался художник. И — верьте не верьте,—
Не сумев убедить его, так говорят,
Бог послал к непокорному ангела смерти.

APPELPLATZ

Appelplatz — это место,
Где стояли живые мишени
Для бесчисленных пуль,
Где рычали овчарки,
Проверяя лагерные номера
На запястьях узников,
Где только в редкие те мгновенья,
Когда налетевший ветер
Развеивал дым над крематорием,
Можно было увидеть солнце
В последний раз,
Потому что здешняя смерть
Играла в кости
Без проигрыша.

И все же не сумела она сокрушить
Ни Тельмана,
Ни Джалия,
Ни Карбышева,
Ни Фучика.
Они, как и прежде, здравствуют
В наших памятливых сердцах.

Так для моей безутешной матери
Остались навеки живыми
Все близкие и родные,
Хоть время давно и усердно
Их могилы перепахало.

Она ежедневно с ними
Встречалась в тревожных снах,
На радуницу
Вела с ними долгие разговоры,
На спаса
Одаривала их яблоками,
А в родительскую субботу,
В пору поминовения,
Делила с ними свой ужин.

И я сегодня
На Appelplatz
Взамен терновых венков
Принес поминальные строки.

ТРИ ВОРОНА

Три ворона кружат и тужат
Над партизаном убитым.
Кого известить о беде?
Ту, что с ним обручилась,
Его надежных друзей,
Его поседевшую мать?

Три ворона кружат и тужат.
Первый каркнул: — К его невесте
Очень трудно найти дорогу...
Второй: — Все в дыму сражений,
Друзей разглядеть невозможно.

Три ворона кружат и тужат:
Третий каркнул: — Горькую весть
Я отнес бы старухе матери,
Но тяжесть этого груза
Крылья мои не поднимут.

Три ворона кружат и тужат...

* * *

Выпал первый чистейший снег.
Радуются детишки,
Строят белые замки,

Лепят сказочное чучело,
Разрисовывают первопуток
Белыми следами лыж
И сапожек.

Но кто-то вынес ковер
И стал из него выколачивать
Пыль вчерашних понятий,
Изъеденных молью взглядов,
Давно устаревших споров.

И сразу
Снег посерел
И смех ребячий
Улегся.

* * *

Не оттого ль, что работа писца
Легче сегодня, чем в давнюю пору,
Когда не пером, а ударом резца
Слово врубали в скалистую гору,—

Стих длинноват, многословен отчет,
И эпопеи такие нередки,
Чтение которых, пожалуй, займет
Две или три пятилетки.

* * *

Бывало, в юности,
Раскачивая девушек на качелях,
Глядишь и думаешь:
Сколько в небе мадонн
С ногами, исколотыми стерней,
И руками, посмуглевшими в объятиях солнца,
С волосами, расчесанными ветром,
С губами, жаждущими счастья,
И глазами, повторяющими цвет неба!

Глядишь и жалеешь,
Что пока еще не в чем каяться,
И молишься
О ниспослании грехов.

* * *

Жара. Чуть небо посветлеет.
Трава на сеножати млеет.
И птицы жаждут в поднебесье —
В их клювах пересохли песни.
Дорога, от слепней слепая,
Спасается, в Двину ныряя.
А поле пылью сплошь дымится.
Куда от духоты податься?

Ты — у колодца...

Дай напитокся.

В тени ресниц укрой страдальца.

ЭЛЕГИЯ

В Хатыни, где камни
Поседали от горя,
А срубы
Могилами братскими стали,
В Хатыни, где огненный смерч
Выпил воду до дна
Из окрестных колодцев,
Где над гнездами аистиными,
Распахнув опаленные крылья,
Взмыли птицы
И ушли в безвозвратный полет,
В Хатыни
Три березы шумят
Под ветрами и ливнем,
Три березы
Четвертую вспоминают.

Какой она стройной была,
Хлопотливой, неугомонной
Щебетуньей лесной,

Деревенской певуньей.
Как она партизан
Осеньяла ветвями своими,
Как она их живительным соком поила,
Провожая в рискованный рейд,
Как не раз прикрывала
От враждебных осколков и пуль...
Три березы шумят
Над годами, над жизнью,
Три березы
Четвертую вспоминают.

Если б только могла она
Встать из остывшего пепла,
Распрячиться,
Опять оглядеться вокруг,
Снова вскинуться к мирному небу
И услышать,
Как жаворонок звенит над хлебами,
И омыть свои листья
Целебной росой...

Три березы шумят
Под зарей негасимой,
Три березы
Четвертую вспоминают.

СТОРОНЫ СВЕТА

Когда-то мне были открыты
Многие стороны света,
Словно весеннему ветру,
Облаку или птице.

Потом, уж и сам я не знаю,
Как получилось такое,
Осталось их только четыре:
Север,
Юг,
Восток
И запад.

Но сегодня, тебя увидев,
Я понял, что сохранилась
Лишь одна сторона света —
Та, где находишься ты.

ПИГМАЛИОН

— Как счастлив ты, что можешь Галатею
Из мрамора создать, Пигмалион!
Я перед красотой ее немею,
Мне кажется порой, что это сон.

— Не сон! Резцом своим повелевая,
Я расчесу волос ее струю.
И сразу — явь. И женщина живая
Трепещет, сбросив тунику свою.

ОСЕННИЙ ДОЖДЬ

Тебя когда-то дождь
Остановить не мог,
Ни тот, что небеса
Серпами молний сек,
Ни тот, что гнул дубы,
Плотины разорял,
Ни тот, что до костей,
До сердца пробирал.

Так отчего же ты
Сегодня не пришла
Тропинкой наших встреч
К околице села?
Неужто мелкий дождь,
Шуршащий средь берез,
Страшней былых громов
И огнеликих гроз?

АНТИСОНЕТ

Спасибо музе, что усердна и крылата!
Чем одарю ее на склоне лет?
Сорвать с эдемской яблони ранет?
Добыть бесценный перстень Поликрата?

Быть может, подарить не серебро, не золото,
А кубок синевы иль полевой букет?
Могу богиню обрядить в сонет —
Скромна одежда эта и богата.

— О, как тебе к лицу наряд такой!
Но ты не радуешься, дорогая?
— Как мне ребенка в нем кормить, не знаю,

Как нам творить и тешиться с тобой,
Когда и грудь и тонкий стан сжимают
Четырнадцать стихов — каркас тугой!

* * *

Мы связаны с тобой
Узлами всех дорог,
Переплетеньем строк,
Ветрами и дождями,
Качаньем переprav,
Сумятицею трав,
Надеждами и снами.

Мы связаны с тобой
Изменчивой судьбой,
Изгнанием из рая.
Мы связаны с тобой,
Летя во тьме ночной,
Созвездий достигая.
Как тетива тугая
С крылатою стрелой,
Мы связаны с тобой...

* * *

— Мастера певучей меди,
Вы сумеете сработать
Колокольчик, легким звоном
Осеняющий луга?
Или тот, которым рано
Будит жаворонок поле,

Или свадебный, которым
Украшается дуга?
Или тот сигнал набатный,
Что гремит, на бой скликаая,
Или скорбный, как прощанье
С тем, кто должен в землю лечь?

— Мы отлить любой сумеем
Колокол, за исключением
Меди, из которой льется
Чистая родная речь.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

«Гончар побуждает глину...»	3
Метаморфозы огня	3
«Сколько придумали средств от бессонницы...»	5
Перед путешествием	5
«Это совсем новая улица...»	6
«Чтобы мог я увидеть...»	7
В доме Якуба Коласа	7
Кузнечики	8
«Мать, убаюкивая меня...»	9
Перегорела лампочка	9
Почетное звание	10
На рыбалке	11
«Никому так не лгали, как тебе...»	12
«Я с трудом узнал курную хату...»	13
Чилийская березка	14
Иерархия	14
Кормят Сережку	15
«Вся земля в цвету...»	16
Сон	16
«Был добрым этот дождь...»	17
«Скажи, куда он подевался, лес?»	17
Сонет	18
Готика «Святой Анны»	18
«Обычно серьезные люди...»	19
«Уставший за день, я могу не услышать...»	20
Партизанские березы	20
«Никогда прежде не наряжали тебя, мама...»	20
«Ослепший все-таки может...»	21
«Ведя по душам беседу...»	22

«Объявили: — Поэт!»	22
Гербарий	22
Кто ж это вынес такое решение	23
Микеланджело	24
Appelplatz	24
Три ворона	25
«Выпал первый чистейший снег...»	25
«Не оттого ль, что работа писца...»	26
«Бывало, в юности, раскачивая...»	26
«Жара. Чуть небо посветлеет...»	27
Элегия	27
Стороны света	28
Пигмалион	29
Осенний дождь	29
Антисонет	29
«Мы связаны с тобой...»	30
«— Мастера певучей меди...»	30

Максим ТАНК

СТОРОНЫ СВЕТА

Редактор Д. К. Иванов.

Технический редактор Е. Н. Щукина.

Сдано в набор 01.04.81.	Подписано к печати 05.06.81.	А 00389.
Формат 70×108 ¹ / ₃₂ .	Бумага газетная.	Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать.	Усл.-печ. л. 1,40.	Учетно-изд. л. 1,51.
Тираж 100 000 экз.	Изд. № 1274.	Зак. № 472. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

«ТОНИКА-310 стерео»

Удобство и простота в обращении в сочетании с возможностью записи и воспроизведения в режиме «стерео» — вот преимущества этого кассетного магнитофона.

Система шумоподавления, примененная в модели, гарантирует высокую чистоту звучания музыкальной или речевой программы.

Скорость движения магнитной ленты—4,76 см/с, число дорожек записи—4.

Акустические системы типа ЗАС-3 обеспечивают достаточную мощность звучания.

Цена аппарата—272 руб.

ЦКРО «Орбита»